

Глава 1

ДИП-КОУВ

Хотя супруги Фарамонд слыли простыми в общении людьми, Рики Аллейн сразу почувствовал, что им присущ некий аристократизм.

Эта мысль посетила его еще до того, как хозяйева дома появились в гостиной — большой, привлекательно обставленной комнате с лимонно-желтыми стенами, натертым до блеска паркетом и изысканными, небрежно брошенными на пол китайскими ковриками. С противоположных стен друг на друга смотрели два портрета: сердитого джентльмена в военной форме и чем-то недовольной полногрудой женщины с веером. А еще по стенам были равномерно распределены необрамленные рисунки, пришпиленные кнопками; один из них вообще имел фривольный, если не сказать неприличный характер.

Рики повернулся к окнам, за которыми море сливалось с небом, и тут в комнату быстрым шагом вошел Джаспер Фарамонд.

— Рики Аллейн! Очень рад. Мы все рады. — Он весело встряхнул гостю руку и жестом пригласил его сесть в кресло. — Вы похожи на обоих родителей. Вдвойне повезло!

Рики смущенно пробормотал, что родители передают самый теплый привет и что они много рассказывали ему о путешествии, которое когда-то совершили вместе с четой Фарамонд.

— Они были ужасно добры к нам, — сказал Джаспер. — Просто не представляете. Хотя сами — знаменитости.

— Они не чувствуют себя знаменитостями.

— Поэтому с ними так приятно общаться. Скажите же, что привело вас на остров и как вам жилье, которое подыскала Джулия?

Чувствуя, что краснеет, Рики ответил, что надеется проработать все летние каникулы, и что комнаты, которые предоставило в его распоряжение одно из семейств в деревне — как раз то что нужно, и он в большом долгу перед миссис Фарамонд.

— О, она обожает заниматься подобными делами. Итак, вы с честью и со всевозможными отличиями преодолели все трудности учебы и теперь в столь юном возрасте можете сами зваться преподавателем?

Рики что-то пробормотал. Джаспер улыбнулся, отчего его небольшой, чуть загнутый книзу нос опустился, а уголки губ приподнялись. Улыбка придавала ему сходство с фавном, а копна густых волос довершала образ.

— Знаю, — сказал он. — Вы пишете книгу.

— Только начал.

— И не хотите пока о ней говорить. Что ж, разумно. А вот и остальные, вернее, некоторые из них.

В комнату вошли двое: молодая женщина и подросток лет тринадцати, чье внешнее сходство с хозяином дома не оставляло сомнений в том, что он тоже носит фамилию Фарамонд.

— Джулия, — объявил Джаспер. — И Бруно. Мои жена и брат.

Джулия была прекрасна. Она поприветствовала с чрезвычайной учтивостью Рики, сияя улыбкой, расспросила его о том, как он устроился, а потом обратилась к мужу:

— Дорогой, у нас тут сюрприз. К нам пришла девушка.

— Какая девушка? Где она?

— С детьми в саду. И у нее будет ребенок.

— Прямо сейчас?

— Разумеется, нет, — рассмеялась Джулия.

Она издавала звуки, похожие на шипение сифона для газированной воды, которое перемежалось неразборчивыми словами. Муж посмотрел на нее с опаской. Бруно захихикал.

— Да что это за девушка? — спросил Джаспер. — И обратился к Рики: — Простите Джулию. У нее что ни день, то очередная драма.

— Просто мы без конца попадаем в какие-то пикантные ситуации, — весело пояснила Джулия. — Если Джаспер прекратит меня перебивать, я все объясню.

— Уже прекратил.

— Мы с Бруно и детьми, — начала Джулия, — поехали на конюшню под названием «Лезерс», хотели узнать, можно ли взять у них

лошадей покататься. Конюшню держат Харкнессы*.

— Харкнессы, — поправил ее Джаспер.

— Харкнессы. Мистер и мисс Харкнесс. Дядя с племянницей. Ну, так вот, их не было в конторе и в конюшне. Мы собирались посмотреть на выгоне и тут услышали вой. Вот прямо настоящий вой. А в ответ кто-то ругался грозным голосом. Звуки доносились из закрытого сарая. Можно было разобрать, что мистер Харкнесс угрожает пристрелить кого-то по имени Мунго, потому что тот лягнул рыжую кобылу. Наверное, Мунго — конь. И пока мы там стояли в растерянности, мистер Харкнесс назвал мисс Харкнесс вавилонской блудницей. Ужасно было неудобно. Вот вы бы что сделали?

— Убрался бы оттуда подальше, — ответил Джаспер.

— Из вежливости или из страха?

— Из страха.

Джулия посмотрела на Рики огромными глазами.

— Я тоже, — торопливо сказал тот.

— Ну, возможно, я поступила бы так же из-за детей, но тут вдруг раздался звук пощечины, дверь распахнулась, и из сарая выбежала мисс Харкнесс.

— Харкнесс.

— Ну да, в общем, она вылетела оттуда, промчалась мимо нас и скрылась за домом. А мистер

* Harness (англ. «запрягать лошадей»). — Здесь и далее прим. переводчика.

Харкнесс с ремнем в руке стоял в дверях сарая и выкрикивал ей вслед ветхозаветные проклятия.

— И что ты сделала?

— Сказала тоном полицейского: «В чем дело, мистер Харкнесс?», и он ушел.

— А потом?

— Мы уехали. Не бежать же мне было за мистером Харкнессом, раз он явно не в духе.

— Он же мог и *нас* ударить, — вставил Бруно по-мальчишески срывающимся голосом.

— А теперь поподробнее о девушке, которая сейчас с детьми в саду. Что-то мне подсказывает, что это мисс Харкнесс.

— Она самая. Мы встретили ее по пути домой. Несчастливая стояла на краю утеса, и у нее было такое странное выражение лица... Я остановила машину и заговорила с ней. Оказывается, она на девятой неделе беременности. Думаю, она не признается, кто отец ребенка, потому-то мистер Харкнесс и взялся за ремень.

— А тебе она сказала, кто отец?

— Так сразу? Да и вообще, лучше на нее не давить. Всему свое время. Пойдите поздоровайтесь с ней.

Едва Джулия договорила, как в комнату вошли еще двое Фарамондов: мужчина чуть старше Рики и молодая женщина, очень похожие на Бруно и Джаспера. Их представили как «наши кузены, Луи и Карлотта». Рики сначала подумал, что они брат и сестра, но потом Луи обнял Карлотту и поцеловал в шею. Тогда Рики заметил обручальное кольцо у нее на пальце.

— Что за девушка там в саду с детьми? — спросила Карлотта Джулию. — Она ведь из конюшни?

— Да, но я не буду пересказывать всю историю заново, ладно, дорогая? Мы собираемся с ней поздороваться, пойдем с нами.

— А мы с ней только что разошлись на узенькой тропинке, так что избежать приветствия не было никакой возможности, — ответила Карлотта.

— Наверное, лучше пригласить ее в дом, — заявила Джулия. — Бруно, дорогой, будь добр, позови сюда мисс Харкнесс. — И добавила ему вслед: — И детей приведи познакомиться с Рики. — Она одарила последнего очаровательной улыбкой. — Видите, какой непростой нас ожидает ланч?

— Ничего, я справлюсь, — ответил тот.

Фарамонды посмотрели на него одобрительно.

— У тебя ведь были вещи примерно такого размера? — обратилась Джулия к Карлотте.

— Как у кого?

— Ну, дорогуша, как у мисс Харкнесс. Разумеется, я имею в виду *нынешний* ее размер. Ограничимся заботами дня сегодняшнего и не будем забегать вперед.

— К чему все это? — требовательно спросила Карлотта. — Что Джулия задумала?

— Да уж поверь, ничего хорошего, — пробормотал Джаспер и обратился к жене: — Ты предложила мисс Харкнесс остаться у нас? Не побоялась?

— Ей ведь больше некуда пойти. Не к мистеру же Харкнессу, чтобы он ее побил. В ее состоянии нечего туда и соваться. Ну, сам-то подумай!

— Идут, — сообщил Луи, который все это время смотрел в окно. — Так, я ничего не понял. Она остается на обед?

— Очевидно, и после тоже, — сказала Карлотта. — Джулия вон хочет, чтобы я ей отдала свою одежду.

— Не отдала, а одолжила, — поправила ее Джулия. — Завтра что-нибудь придумаем.

В холле раздались детские голоса. Дверь открыл Бруно, и в гостиную с шумом вбежали две маленькие девочки лет пяти и семи. Обе были в джинсовых комбинезончиках. Они подбежали к матери, которая нежно их обняла и воскликнула с умилением:

— Дорогие мои!

И тут в комнату вошла мисс Харкнесс — девушка с внушительными формами, загрубевшим от солнца лицом и такими мозолистыми руками, что Рики тут же подумал о лошадиных копытах. Слегка припухшие глаза гостьи свидетельствовали о недавних переживаниях, связанных с возникшими в ее жизни осложнениями. На ней были бриджи для верховой езды и клетчатая рубашка.

Пока Джулия представляла ее присутствующим, она переминалась с ноги на ногу, кивала и иногда произносила неопределенное «мм». Фарамонды поддерживали ничего не знача-

ший разговор, Джаспер поставил на стол поднос с напитками. Рики и Бруно выбрали пиво, хозяйева — шерри и белое вино. Мисс Харкнесс низким хриплым голосом сказала, что пригубит виски, и тремя шумными глотками осушила стакан. Луи Фарамонд завел с ней разговор о лошадях — Рики слышал, как он сказал, что пробовал играть в поло, когда был в Перу, но у него плохо получалось.

Рики смотрел на Фарамондов и поражался, какие они все бледные. Будто им, как овощам в парнике, долго не хватало солнечного света. Даже у Джулии — Фарамонд только по мужу — лицо было лишено красок. Однако бледность ей шла — она театрально оттеняла дерзкий взгляд и изгиб рта, делая Джулию похожей на героиню картин Обри Бердсли*.

За обедом Рики сидел справа от Джулии; с другой стороны его соседкой оказалась Карлотта. Наискосок от него, рядом с Джаспером и слева от Луи, расположилась мисс Харкнесс с новым стаканом виски с содовой в руке, а напротив нее, по левую руку от своего отца, сидели девочки, Селина и Джульетта. От остальных Фарамондов Луи отличали смугловатый цвет лица и светский лоск — тонкие черные усики, гладко зачесанные назад волосы, шелковистый джемпер. Полуобернувшись к мисс Харкнесс, он вел

* Обри Бердсли — английский художник-график, иллюстратор, поэт (1872–1898), один из виднейших представителей английского эстетизма и модерна.

односторонний разговор, игриво посмеиваясь, в то время как ответом ему было лишь угрюмое выражение лица. Карлотта — жена Луи — время от времени бросала на него удивленные взгляды.

— Вы видели «нашу Трой»? — обратилась Джулия к Рики, указывая на картину над головой Джаспера.

Рики видел, но не осмеливался заговорить о ней. Картина изображала беседующих мужчину и женщину — они сидели на фоне прогуливающихся на сильном ветру людей, чьи яркие фигурки резко вырисовывались на фоне безмятежного неба.

— Мы с Джаспером на борту «Орианы», — пояснила Джулия. — Обожаем эту картину. А вы рисуете?

— К счастью, даже не пытаюсь.

— Может, у вас склонности к работе в полиции?

— И этого тоже нет. Боюсь, я пошел совершенно не в родителей.

— Джаспер у нас — математик, — продолжала его супруга. — Пишет книгу о биноме Ньютона, только не говорите никому, он не хочет, чтоб об этом знали. Селина, дорогая, еще одна такая гримаса, и ты выйдешь из-за стола без клубники со сливками.

Селина растянула пальчиками уголки губ и, хитро прищурившись, уставилась на мисс Харкнесс. После слов матери лицо ее мгновенно приняло нормальное выражение, но потом она откинулась на стуле и сделала вид, что смотрит